

Христианская основа либерализма

К великому сожалению, для построения правового демократического государства падения коммунизма явно недостаточно. В основе современного демократического мироощущения лежит уважение к свободе и достоинству человеческой личности. Оказалось, что именно в этом-то у нас и загвоздка. Коллективистское самоощущение у нас явно преобладает над персоналистическим. А что религия здесь может дать? Чему она более способствует: коллективизму или персонализму? Вроде бы альтруизм, предписываемый религией, более способствует коллективизму, но должна быть граница в человеке, наделенном свободой, которую пересекать имеет право только Бог. Защита человека от посягательств (как других личностей, так и коллективов) является необходимым условием его творческого развития.

Попытаемся взглянуть на эту проблему с христианской точки зрения.

Вспомним, что все люди без исключения повреждены первородным грехом. Одного этого фактора уже достаточно, чтобы прийти к мысли о недопустимости сосредоточения власти в одних, даже очень уважаемых руках. Равно как и в руках многих, которые тоже не застрахованы от ошибок. Тирания коллективов может быть даже страшнее тирании одного. Это - с одной стороны.

С другой - вера и памятование о том, что каждый человек сотворен по образу и подобию Бога, должны приводить к пониманию места человека в обществе, к его правам. Перед Богом у человека нет прав, но перед другими людьми - есть. Человек имеет богоданное право на то, чтобы быть взрослым, самому свободно определять себе образ жизни и мировоззрение. Единственное здесь условие - не мешать другим и требовать, чтобы и тебе не мешали. К тем, кто с этим не согласен и нарушает свободу других людей, правовое государство применяет силу, так что никакой анархии не возникает. Такой социальный режим назвали неудачным словом "либерализм" и почему-то решили, что он может быть только безрелигиозным. Но ведь в основе либерализма лежит уважение к человеческой личности, которое в наиболее полной форме дается именно христианством. Требования христианского максимализма можно применять только к себе, но не к другим. Можно раздавать свое имение, а не чужое. От других можно лишь требовать, чтобы они на наши права не покушались. В отношении других людей, таким образом, мы просто обязаны быть либералами. Конечно, речь здесь идет в первую очередь об этическом и правовом либерализме, который к анархии никакого отношения не имеет.

У либерализма была и есть, если не прямая, то косвенная связь с христианством. Позже в XIX в. либерализм стал действительно безрелигиозным; но людям вообще свойственно путать причины со следствиями, отрывать от корней явлений и считать эпифеномены феноменами, строить безрелигиозную этику. Либерализм подвергся такой же секуляризации, как и все социальные институты. Он и сам активно способствовал этой секуляризации в эпоху, когда Церковь сакрализовала архаические социальные формы. История взаимоотношений Церкви и либерализма очень драматична.

"Но где же здесь место для любви, для соборности (столь важных для православия)? - могут спросить. - Да разве людям можно такую свободу давать? Это же вы какой-то формализм предлагаете!" Кстати говоря, упрек в формализме либерализма - один из самых популярных в России. Здесь сказывается непонимание того, что любой закон формален, т.к. он не может (и не должен!) предусмотреть всего. Правовое государство запрещает (и довольно жестко) делать только явное зло. Оно не "воспитывает" людей, полагая их совершеннолетними и способными к самоопределению в соответствии с требованиями их совести (свобода совести). В основе либеральной концепции права и вообще либерального социального устройства лежит принцип свободы как необходимого условия всего доброго и той же любви, воспетой славянофилами. А законы нужны для охранения свободы индивидуумов. Вспоминается четкое определение права В.С. Соловьева (1853-1900): "Право есть свобода, обусловленная равенством". Принципом ограничения свободы индивидов является, в первую очередь, свобода других индивидуумов.

Это - совершенно непривычная модель для российского менталитета, но это не значит, что ее надо отбрасывать как что-то совершенно чуждое. Сострадание к другим людям ставит вопрос и о правах человека. Напомню, что ключевым понятием в православии является "послушание", а не "свобода". Свобода же понимается, прежде всего, как свобода от греха, а не для творчества. Человеческие страдания же понимаются как наказание от Бога. Это создает большие трудности для признания либерально-правовой модели.

Известно, что в основе коммунистического понимания права лежало понятие порядка, а не свободы. (См. любую советскую и даже постсоветскую энциклопедию.) Отрицание же богоданного дара свободы, отказ от первородства под предлогом поврежденности человеческой природы вначале вроде бы увеличивает столь желанный в России социальный порядок, но затем приводит к социальным катастрофам. Именно поэтому при коммунизме у нас не было ни свободы, ни порядка. А единственная модель развития - через мобилизацию населения на "великие стройки". Но на генсека и его окружение первородный грех не распространялся. Фактически они были как бы непогрешимыми. То же самое ранее произошло (пусть был более долгим и извилистым) и с российским самодержавием. Никто, как известно, кроме полиции, не встал на его защиту в феврале 1917-го. А Святейший Синод через неделю после отречения царя призвал Божие благословение (09.03.1917) на Временное правительство. В состав того Синода входило два архиерея, недавно причисленных к лику святых: Владимир (Богоявленский), Тихон (Беллавин), а также известные архиереи Сергей (Страгородский), Макарий (Невский), Арсений (Стадницкий), Антоний (Храповицкий). Это полезно помнить нашим монархистам.

Интересно отметить, что из одной и той же предпосылки о греховности всех людей и необходимости ограничить эту греховность делаются два различных вывода.

При либеральном подходе обеспечивается верховенство закона, перед которым все равны, и сама верховная власть разделяется и ограничивается Конституцией и системой "сдержек и противовесов" во избежание чрезмерной централизации власти в одних и тех же руках; а при патерналистском подходе неограниченные властные функции отдаются одному лицу, которое при этом фактически наделяется свойством непогрешимости. В качестве гаранта непогрешимости выступал церковный чин помазания на царство. Но если даже таинство крещения ничего не гарантирует, а лишь открывает определенные возможности, то тем более ничего не гарантирует помазание на царство, которое даже не является таинством (ритуально - это повторение миропомазания). Никаких гарантий непогрешимости не дает и следование любым "единственно верным учениям".

Основатель христианского социализма католический священник Ламенне (ум. в 1854) пытался развить христианское понимание общественного служения, считал, что либерализм следует воцерковить. Христианское понимание либерализма, декларирующего духовную автономию человеческой личности, ограниченной законом, не совсем чуждо и русской религиозной традиции. Христианскими либералами были: В.С. Соловьев, прот.С. Булгаков, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, г.П. Федотов, Н.О. Лосский, А.В. Карташев, большинство представителей русского религиозно-философского ренессанса XIX-XX вв. Именно дехристианизация социальной проблематики привела к тому, что социальными реформами занялись большевики-атеисты. Церкви же еще при самодержавии была отведена роль торжественной позолоченной богадельни, а что сделали с ней большевики - хорошо известно.

Мне могут возразить: все эти рассуждения слишком умозрительны и формальны (это одно из возражений против права вообще) и не имеют никакого отношения не только к духу православия, но и к Евангелию. Но так ли это? Св.Афанасий Великий писал, обращая внимание на уважение к свободе человека Самим Христом: "Сам Спаситель так кроток, что учит: если кто хочет идти за Мною (Мф. 16,24), и приходя ко всякому, не вторгается с насилием, а только стучит (Откр. 3,20), и когда отворяют, входит, а когда медлят и не желают принять, уходит".¹

Женщину, взятую в прелюбодеянии, Христос, вопреки закону Моисея, прощает. Хотя любому обывателю, не то что социологу, ясно, что для повышения общественной нравственности периодические экзекуции (показательные процессы) над нарушителями законов очень даже были полезны ("чтобы другим не повадно было").

Христос через притчу о пшенице и плевелах призвал людей к терпимости: не следует заниматься прополками (чистками), дабы вместе с сорняками не выдернуть злаки (Мф.13, 24-30). В притче о

милосердном самарянине ближний обнаруживается в неожиданном месте. Им оказывается инородец и еретик - самарянин (Лк.10,29-37). Разве такое поведение Христа на современном языке не называется либеральным?

Либерализм часто упрекают в равнодушии к истине. Само понятие истины очень непростое. Сам Христос промолчал на вопрос Понтия Пилата об истине (Ин.18,38). Есть истина как смысл, и истина как достоверная информация о разных сферах бытия. В католическом богословии говорится об иерархии истин. Высшая истина не может быть принудительна, как не может быть ни у кого на земле монополии на Истину. Отсюда с математической четкостью следует необходимость взаимоуважения при различных мировоззренческих установках, веротерпимость, деидеологизация государства, отделение религии от государства. За нелюбовью к либерализму, как правило, не кроется никакой социальной философии, а имеется лишь элементарный страх перед анархией, которому либерализм якобы способствует. Но для борьбы с анархией существуют законы и правоохранные структуры. Для исполнения этих законов вовсе не обязательно установление диктатуры. Должна быть даже не диктатура закона, а верховенство правового закона

Слова имеют свою судьбу. Термину "либерализм" явно не повезло. Его не любят и церковные люди, и светские. Его резко осуждала католическая Церковь в прошлом веке. А ведь в основе термина лежит *liberalis* (свободный, благородный, вежливый). Но нет, не лежит к нему душа русского человека и все тут. Да и на самом Западе этот термин, кажется, тоже не в чести. Ведь столько всяческих злоупотреблений свободой было, что лучше не вспоминать! Но не будем спешить согласно кивать головами, когда западные люди сами критикуют либерализм. Они в социальном смысле намного старше нас. После Канта они стали самокритичными, и даже очень. Нам до их кризиса еще расти и расти. После ужасов Второй мировой войны католическая Церковь включила демократию и права человека в свою социальную доктрину.

И вот тут-то в который раз выясняется, насколько трудны для понимания некоторые вещи - свобода, например. Достоевский, почувствовавший весь драматизм свободы, этой теме философскую притчу посвятил, вложив ее в уста Ивана Карамазова (Легенда о Великом инквизиторе). Ну да кто у нас это читал! Решили, что это, мол, фантазия писателя. "Вообще-то не нужна нам свобода независимого индивидуума, нас как-то больше тепло соборности привлекает. Хоть без свободы, но тепло и душевно! А мы большие любители душевности". Свобода у нас не кажется формальностью только тем, кто ее самым натуральным образом лишен. Почти никому не приходит в голову бороться за свободу других.

Но надо быть последовательными. В таком случае надо отказаться не только от либеральной демократии, но и от гражданского общества, правового государства и даже от Конституции, ведь это чисто западное изобретение. Основная цель Конституции - ограничение верховной власти. А зачем ее ограничивать, если она хорошая? - могут спросить. На это можно ответить: а что вы будете делать, если она по какой-либо причине испортится? За идеей необходимого ограничения любой власти стоит определенная социальная философия, презумпция виновности власти как

таковой. Власть должна быть всегда под подозрением. Она, как известно, обладает наркотическим эффектом, развращает ее носителей в прямо пропорциональной зависимости от степени своей неограниченности. "Абсолютная власть развращает абсолютно". Поэтому власть должна быть ограничена и разделена на три основные ветви (законодательная, исполнительная, судебная), чтобы исключить возможные властные злоупотребления со стороны носителей власти - людей, поврежденных первородным грехом (на светском языке - несовершенных). Власть при этом неизбежно ослабевает, но это компенсируется четким разграничением властных полномочий различных ветвей власти. Четвертая власть - пресса - выполняет роль общественного санитара, заглядывая и освещая всяческие темные углы, где могут заводиться тоталитарные монстры. Все это, конечно, возможно лишь при уважении к закону, т.е. при относительно высоком уровне развития общественного сознания.

К сожалению, Конституция у нас в большой степени импортный продукт, под собственным названием впервые принятый большевиками, и то лишь для обмана западной общественности и отчасти своей. Это была попытка соединить несоединимое: западный "формально-правовой легализм" с коллективистски (социалистически) и совсем "неформально" понимаемой целесообразностью. Право на понимание и толкование этой целесообразности - "дела социалистического строительства" - было монополизировано небольшой группой новых "посвященных" в тайны истмата. Правда, большевики и не собирались как-то следовать своей же Конституции. Этот каинов грех убийства свободы лежит и донныне на нас. Мы же, вместо того, чтобы осмыслить связь между христианской антропологией и социологией, которая тоже может быть христианской, продолжаем цинически глумиться над свободой, всячески понося демократию, не предлагая ничего взамен. Но с таким же успехом можно отрицать и сам принцип добра, указав при этом на повсеместное торжество зла; упрекать людей, призывающих к добру, в "идеализме". В российской печати стала популярной этакая конспирология, когда за любыми событиями намеренно ищется какой-либо материальный интерес (кому выгодно?). А потом говорится: вот видите, все гораздо проще! Но даже если это и так, то надо не только с восторгом заниматься разоблачениями, а все же на концептуальном уровне противостоять этому методологическому материализму. Мне кажется, что отсутствие волевого противостояния злу на всех уровнях и есть главная причина наших бедствий.

Повторим еще раз, что правовое государство - это не только государство с законами для наведения порядка, а нечто большее. В таком государстве закон стоит не на страже сильного, а на страже справедливости и свободы, т.е. прав всех, в том числе и слабых. В этом смысле правовое государство совершенно не "естественно", но это именно та неестественность, которая и делает нас людьми. Пока мы находимся в нигилистически самодовольном скифском состоянии, мы этого не понимаем. Сейчас настало время понимания, а не просто оптимистических взбадриваний типа "все будет хорошо". Русский "авось", как и показ по телевидению старых душевных фильмов коммунистической эпохи вперемежку с западными ужастиками, как и воспевание державности, нам уже не поможет.

А может быть и здесь все обстоит проще? Заметим, что там, где больше говорят об идентичности, больше на ней настаивают, там больше и политзаключенных (тех, кто в нее не вписывается),

короче почему-то и средняя продолжительность жизни. Странная, казалось бы, закономерность. Но так бывает всегда, когда в обществе преобладает коллективистский архетип сознания. Коллектив охотно жертвует особями, отличающимися от среднего уровня.

Первому президенту Чехословацкой Республики Т.Г. Масарику принадлежат замечательные слова: "Самый глубокий аргумент в пользу демократии - это вера в человека, в его ценность, в его духовность и в его бессмертную душу. Этически демократия является политической реализацией любви к ближнему"⁴.

Здесь, конечно, имеется в виду не архаическая (прямая) демократия, а либерально-правовая.

Примечания

1 Цит. по кн.: Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. М., 1994. Т.3. С.55.

2 Некоторые исследователи полагают, что начало конституционализму было положено несколько ранее. После принятия Основных законов Российской Империи (23.04.1906), признающих наличие Государственной Думы как парламентского органа, ограничивающего верховную власть, Россия стала похожей на конституционную монархию западного типа. При этом самодержавие не отменялось, а император имел право распускать Думу до истечения 5-летнего срока ее полномочий. Знаменательно все же, что само слово "Конституция" так и не вошло в законодательство.

3 В религиозных кругах очень популярна мысль о внутреннем совершенствовании и духовном возрастании человека. Но весь вопрос в том, как это совместить с ответственностью перед обществом здесь и сейчас.

4 К.Чапек. Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000. С.237-238.